

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.1.12>

Биттирова Тамара Шамсудиновна

[Поэтическая версификация Кязимом Мечиевым произведения Абусуфьяна Акаева "Дагъир-Зугъра"](#)

В данной работе в сопоставительном ключе изучаются "восточные поэмы" - "Дагъир-Зугъра" А. Акаева и "Тахир и Зухура" Кязима Мечиева. Раскрываются пути освоения восточных традиций балкарским поэтом в поэме "Тахир и Зухура", а также ее своеобразие в сравнении с поэтическими опытами, реализованными кумыкским автором. В статье представлен анализ художественно-выразительных средств, используемых К. Мечиевым для воссоздания реалий восточной жизни, для характеристики героев поэмы. Основное внимание автор уделяет культурным связям региона, обусловленным временем и личными контактами.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2020/1/12.html

Источник

[Филологические науки. Вопросы теории и практики](#)

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 1. С. 59-63. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2020/1/

[© Издательство "Грамота"](#)

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Литература народов Российской Федерации

The Russian Federation Peoples' Literature

УДК 821.091

Дата поступления рукописи: 13.12.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.1.12>

В данной работе в сопоставительном ключе изучаются «восточные поэмы» – «Дагъир-Зугъра» А. Акаева и «Тахир и Зухура» Кязима Мечиева. Раскрываются пути освоения восточных традиций балкарским поэтом в поэме «Тахир и Зухура», а также ее своеобразие в сравнении с поэтическими опытами, реализованными кумыкским автором. В статье представлен анализ художественно-выразительных средств, используемых К. Мечиевым для воссоздания реалий восточной жизни, для характеристики героев поэмы. Основное внимание автор уделяет культурным связям региона, обусловленным временем и личными контактами.

Ключевые слова и фразы: карачаево-балкарская литература; Кязим Мечиев; восточные сюжеты; дастан; «Тахир и Зухура»; кумыкская поэзия; А. Акаев; поэтическая версификация; традиции и новаторство.

Биттирова Тамара Шамсудиновна, д. филол. н., ведущий научный сотрудник

Институт гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, г. Нальчик

tbittir@mail.ru

Поэтическая версификация Кязимом Мечиевым произведения Абусуфьяна Акаева «Дагъир-Зугъра»

В духовной культуре современных карачаевцев и балкарцев значительное место занимают определенные в научной литературе как «восточные» поэмы «Тахир и Зухра», «Бузжигит», «Юсуф и Зулейха», «Лейли и Меджнун» и др. Существуют (помимо поэм Кязима Мечиева «Бузжигит» и «Тахир и Зухура» (у кумыкского автора Зугъра, у исследователей – Зухра. Но у К. Мечиева – Зухура. В каждом случае приводится по оригиналу. – Т. Б.)) большое количество списков – вариантов восточных поэм, созданных в разное время неизвестными авторами на карачаево-балкарском языке.

Актуальность нашей статьи обусловлена отсутствием анализа восточных сюжетов в системном изучении классика карачаево-балкарской поэзии К. Мечиева.

Научная новизна статьи состоит в том, что в ней впервые на основе сравнительно-сопоставительного метода выявляется степень влияния кумыкского автора А. Акаева на творчество К. Мечиева и новаторский характер поэмы К. Мечиева. Обоснование самостоятельности и оригинальности поэмы К. Мечиева «Тахир и Зухура» является **целью** данной статьи. Для достижения цели предполагается решение следующих **задач**: выделить и кратко охарактеризовать общее и особенное в сюжетах сравниваемых поэм, выявить особенности поэтического мастерства К. Мечиева, позволившие создать поэму на сюжет общемировой классики.

В комментариях к фундаментальному изданию исследователь творчества классика карачаево-балкарской литературы К. Мечиева Алим Теппеев пишет: «...будучи частью тюркского мира, в Балкарии знали повесть о Тахире и Зухре. В горских ущельях были ее знатоки. Во-первых, ее могли распространить из Азербайджана и Турции те, кто совершал хадж; во-вторых, прослеживается второй культурный след – Казань и Кумыкия, которые снабжали балкарцев наряду с другими тюркскими народами литературной классикой; в-третьих, балкарцы, имеющие глубокие познания в арабской культуре, возвращаясь с восточных странствий, привозили с собой поэтические книги Востока. Кязим, будучи образованным человеком своего времени, знатоком арабского и персидского языков, был знаком как с народными вариантами знаменитой поэмы, но и с литературными. К концу XIX века, вернее, в 1891 году, он взялся за создание своей поэмы «Тахир и Зухра»» [6, с. 352].

Абусуфьян Акаев был просветителем кумыкского народа, но его деятельность выходила за рамки своего родного этноса. 150 книг, изданных в типографии М. Мавраева на кумыкском языке тиражом от 500 до 1500 экземпляров, широко распространились по всем аулам Балкарии и Карачая, ибо язык, на котором они были написаны, был понятен читателям и слушателям. Они пережили вместе с карачаево-балкарским народом

репрессии 20-30-х годов XX века, были на чужбине 14 лет и вернулись вместе с депортированным народом на Кавказ. В рукописных коллекциях балкарцев и карачаевцев эта литература и сегодня составляет самую дорогую для ее обладателей (как, впрочем, и для исследователей) часть. Практика переписывания этих изданий имела вплоть до 70-х годов XX века, несмотря на десятилетия существования письменной литературы и доступность переводов на русский язык классических поэм Востока. Среди названных изданий особой популярностью пользовались поэмы А. Акаева, написанные в разные годы: «Рассказы Малики» (1908), «Юсуф» (1910), «Аминтаза» (1910), «Тахир и Зухра» (1915), «Бозйигит» (1926). А. Акаев не только прославлял любовь и высокие отношения между мужчиной и женщиной, опираясь на духовный опыт Востока, но и писал публицистические статьи в защиту женщин как хранительниц домашнего очага. «По мнению Абусуфьяна, до возникновения ислама женщинам не придавали значения. Ее ценили как человека, рожающего детей и доставляющего радость мужчинам. Ислам впервые дал им равенство с мужчинами во многих областях жизни. В ранние времена ислама они могли получить образование. В хадисах Пророка (а.с.) говорится о необходимости дать образование и женщинам наравне с мужчинами. Но потом постепенно стали умалчивать об этом», – так интерпретируют взгляды А. Акаева дагестанские ученые [1, с. 116].

Сравнительный анализ двух поэм «Дахир и Зухра» Абусуфьяна Акаева и «Тахир и Зухра» Кязима Мечиева дает возможность нам сказать о нескольких концептуальных составляющих относительно оригинальности поэмы К. Мечиева. И, в первую очередь, о том, что Кязим перевел часть поэмы кумыкского автора Абусуфьяна на карачаево-балкарский язык, основная же часть (преимущественно поэтическая) является оригинальным произведением Кязима Мечиева. В данном случае можно говорить о форме литературной версификации, т.к. «преобразование всякой литературы, и прозы, и драматургии, в поэзию, это литературная версификация, которая возможна с помощью применения конкретных методов такого преобразования: неологизмовой версификации, классической рифмизации, лакунарной версификации и т.д.» [5]. К. Мечиев выбрал для перевода метод классической рифмизации прозаической части в одних случаях, в других – самостоятельное развитие сюжета.

Во вступлении легко узнать творческий почерк Кязима. Он почти все свои большие произведения преваряет подобным зачином:

*Бог единый – вот начало всех начал,
Тем опора, кто душой не измельчал.
Бог единый! Дай умения перу,
Чтоб поведать про Тахира и Зухру.
О Аллах, мой труд, прошу, благослови,
Озари мое лицо огнем любви.
Горе мне: на глаз остер, но ниц язык.
«Помоги!» – к тебе взываю, как привык.
Я труды других поэтов изучал –
И во всех, Аллах, я свет твой различал.
Я познал Якуба горестный удел,
Я с Юсуфом в заточении сидел.
Тридцатидвухлетний срок преодолел.
И наукам, и хадисам слал поклон...
Проследим же путь Тахира и Зухры:
К молодым да будут судьбы их добры!
Бог единый – вот начало всех начал,
Так внимайте же, пока не замолчал
(пер. Г. Яропольского) [4, с. 250].*

Дальше идет вольный перевод прозаического вступления поэмы А. Акаева:

Хапарлада айтыла келгенге кёре, Бабахан деп бир хан болгъанды. Малыны, мюлкюню, аскерини хыйсабы, саны жокъ эди. Бу къадар байлыгы бла дуньяда бир затдан кереклиси болмаса да, жюреги такъыр эди: аны сабийиболмагъанды. Кеси ёлгенден сора артында, тахтасына ие болуп, къыралына оноу этерча эр киши урлукъ къалмагъанына «отдан кёлек кийип», кёзюне жукъ кёрюнмей эди. / «Сказывают, жил некогда владетельный хан Бабахан. Все у него было – и богатство, и воинство, но, несмотря на все щедроты судьбы, не ведал он душевного покоя: не было у него детей. Думы о том, что после своей кончины он не оставит сына, который правил бы его ханством, порой приводили его в неистовство» (пер. Г. Яропольского).

Этот же текст у А. Акаева:

Хабарда гелгенге гёре, альягдагы заманлада бир уллу падишах бар эди. Малыны, асгеини хыйсабы ёкъ эди. Бу къадар девлет булан гъеч затха гъажатлы болмаса да, дуньяда оьзюнден сонг гъалажакъ бир авлети болмагъанлыкдан аны къайгысы юрегинден гетмей эди [2, с. 200]...

Акаевский прозаический зачин длиннее кязимовского, и в нем нет поэтического вступления.

Сюжет обеих поэм до определенного места развивается одинаково: Бабахана и его визира Бахира объединяют одинаковые драматические обстоятельства – они оба бездетны. Не было в округе знахаря и ведуна,

к которому не обращались бы они за помощью, пока однажды им не встретился нищий старец. Он разрезает яблоко пополам и отдает части хану и визирю. Они должны ночью, перед тем как войти в свои опочивальни, съесть их. Мудрец также предсказывает, что у них должны родиться сын и дочь, которым уготовано судьбой быть вместе. Хан и визирь дали друг другу слово, что если сбудутся обещания старца, они последуют его совету. В положенный срок рождается у хана дочь, у визиря – сын, нареченные Тахиром и Зухрой. С первых лет своей жизни они неразлучны: играют вместе, потом постигают азы науки. В юном возрасте влюбляются друг в друга. К Зухре это чувство пришло раньше:

*Любовь пришла, отчаяньем душа.
Я вся в слезах, живу едва дыша.
Бессонница мои сжигает ночи [4, с. 265]...*

Но Тахир отвергает ее любовь, считая ее своей сестрой. Зухра в отчаянии просит у Бога, чтобы он наделил Тахира хотя бы половиной ее чувств. Оказалось, что этой половины более чем достаточно, чтобы зажечь страсть в сердце юноши. Таким образом, молодые люди оказываются в плену своих чувств, и мир для них меняется чудесным образом:

*Когда приходит в этот мир любовь,
То одаряет нас теплом весенним.
Так птица из силков взмывает вновь
И радуется сердцу своим спасеньем [Там же, с. 278]...*

Однако радужным мечтам влюбленных не суждено сбыться. К этому времени преданный визирь хана Бахир умирает. Хан переступает через данное когда-то им слово:

*Кто знает тайну данного мной слова?
Возможность есть дочь выдать за другого...
Пусть, ханшей став, Зухра всем ханством правит,
Тахир же пусть мой двор навек оставит [Там же, с. 287]!*

Позиция всемогущего хана предрешает судьбу молодых людей. На пути влюбленных встают зло, зависть, непонимание:

*Но мы готовы цепь сковать для них,
Стремимся навязать им нашу волю,
Сердце по-настоящему родных
Мы раны норовим посыпать солью.*

*Преследуя влюблённых, точно псы,
Себя грехом позорным покрываем;
Не в силах в нашу сторону весы
Склонить, от злобы жгучей завываем [Там же, с. 263]...*

Влюбленных поддерживают их друзья, кормилицы, но они не могут повлиять на решение Бабахана, которого постоянно настраивает против влюбленных олицетворение зла – начальник стражи Арап. Ханша также невзлюбила Тахира. На данном драматическом узле сюжеты двух поэм расходятся. Акаевский Тахир, подобно герою его другой поэмы – Бозийгиту, сражается с тысячами воинов хана, которых в неравном поединке убивает сотнями. В конце концов приближенные хана берут в плен истекающего кровью Тахира и творят над ним скорый суд. За время, выпрошенное перед казнью, Тахир совершает намаз и прощается с любимой. Вслед за Тахиром уходит из жизни Зухра.

В поэме А. Акаева действие завершается очень быстро, и по своей структуре она больше баллада, чем поэма, ибо упрощенный сюжет, малое количество персонажей не позволяют раскрыть в полной мере ни художественные образы, ни сопутствующие основному сюжету фабульные линии.

Поэма Кязима Мечиева подробно останавливается на борьбе влюбленных сохранить свои чувства, свои жизни, чем кардинально отличается от поэмы Абусуфьяна Акаева: действие расширяется и во времени, и в пространстве, в него втягиваются новые герои и обстоятельства. Хан и ханша уговаривают Зухру выбрать кого-нибудь из многочисленных претендентов на ее руку. «Почему я должна ее унижить, выдав за того, кто подола, рукава ее недостойн? Ханские сваты с караванами алмазов и жемчуга томятся в ожидании, а я стану ее выдавать за служивого отпрыска?» [Там же, с. 250], – возмущается ханша, когда супруг занимает нерешительную позицию, вызванную страданиями дочери.

Кязим разворачивает картину «долгого прощания» героев – Тахиру снится вещий сон, он делится им с Зухрой. Злой Арап следит за молодыми и докладывает о каждой встрече ханше. В какой-то момент хан вспоминает данный старцу обет и хочет сыграть свадьбу дочери с Тахиром. Но ханша насылает на мужа колдовские наветы знахарки. Хан опять меняет решение, Тахира изгоняют из дворца. По просьбе дочери он возводит для нее чудесный дворец на перекрестке четырех дорог, где она поселяется с кормилицей

и предается своим грустным мыслям. Тахир и Зухра обмениваются своими песнями-ийнарами через окно. По-другому они не могут встретиться. Хана не устраивает такие встречи, он в ярости приказывает убить Тахира, но в этот раз визири хана отговаривают его от такого жестокого поступка. Влюбленного отсылают в далекий город Мардин и заключают в тюрьму. «Семь лет длились страдания Тахира, который и в бреду не переставал твердить имя милой Зухры», – пишет Кязим. И все эти годы Зухра хранит верность своему любимому, также страдает вдали от него. Через караванщиков она посылает весточку Тахиру. Услышав имя любимой от чужого человека, Тахир теряет сознание. Один из караванщиков, сам безнадежно влюбленный, освобождает Тахира из темницы, и он возвращается с ними в родной город. Тахир вновь начинает встречаться тайно с Зухрой, но счастье было недолгим. Арап доносит хану об их встречах и в один из ночей устраивает засаду. Тахиру наручники одевает сам хан, настолько зол он на юношу, посмеявшегося нарушить приказ. Ни просьбы визирей, ни мольба матери Тахира в этот раз не поколебали решение хана – он заставил закинуть сундук с закованным в нем Тахиrom в реку. От верной смерти в этот раз его спасает любимая – сундук приплывает на реке к владениям падишаха Гулу. Зухра переписывалась с его дочерьми, дружила с ними, и она отправляет гонца с письмом, где просит помочь выволить Тахира из беды. Освободив Тахира, все три дочери падишаха начинают за ним ухаживать и все тайно в него влюбляются. Тахир опять бежит, теперь от влюбленных в него дочерей падишаха, опять возвращается к Зухре. К его приезду идет свадьба Зухры – ее отдают замуж. Переодевшись в женское платье, Тахир проникает во дворец и узнает, что Зухра по-прежнему его любит, но подчинилась отцовской воле. Они сбегают со свадьбы, но опять настигнуты Арапом и его стражниками. Третья попытка в очередной раз заканчивается темницей. Хана не останавливает даже то, что является вещий старик и уговаривает хана сменить гнев на милость. Но все напрасно. На этот раз Тахир погибает, вслед за ним умирает от горя и Зухра. Поняв всю бессмысленную жестокость содеянного, кончает жизнь самоубийством Арап.

В конце поэмы автором приведена назидательная притча, известная из разных восточных источников: «Как доходит до нас из писаний, на могиле Зухры вскоре стали цвести белые розы, а на могиле Тахира – алые. На могиле же Арапа каждый год вырастает колючий репейник. Когда белые и алые цветы начинают тянуться друг к другу, репейник пробивается между ними. Не давая им соприкоснуться...» [Там же, с. 260].

Таков в кратком пересказе сюжет кязимовской поэмы, что говорит о ее самостоятельности, поскольку вторая часть поэмы абсолютно оригинальна. И в то же время мы должны рассматривать ее как художественное произведение, вобравшее в себя сюжеты и мотивы не только великой поэмы о влюбленных, но и других сказаний и легенд. И главное отличие поэмы К. Мечиева от других версий – философское преломление истории несчастной любви. Поэт много рассуждает о природе счастья, о сущности человека, о несовершенстве мира. Призывает «по достоинству казнить» тех, кто творит зло.

Большое влияние на развитие карачаево-балкарской лиро-эпической поэмы начала XX века оказали книги, изданные в Темирхан-Шуре в типографии М. Мавраева и содержащие светские поэмы «Лейли и Межнун», «Бужигит», «Тахир и Зухра», «Несчастливая Ханбике», сказки «Тысячи и одной ночи», «Синдбад-мореход» и др. Переводчиками и авторами этих поэм были кумыкские поэты Абусуфьян Акаев, Бейбулат Темирбулатов, Нухай Батырмурзаев и др. Они широко распространились в карачаево-балкарской среде и сыграли огромную роль в становлении письменных традиций. Транслятором же их было в первую очередь творчество Кязима Мечиева.

Основой поэзии Кязима Мечиева служит раскрытие реальных событий через их философское преломление. Глубиной философской мысли отличаются практически все его произведения. Если повседневное мышление современного поэту общества реализовало свои думы о прошлом, тревоги настоящего дня, надежды на будущее в устном народном творчестве, то Кязим аккумулировал эти идеи и рассказал поэтическим текстом таким образом, что они оказывали сильнейшее эмоциональное воздействие на читателей и слушателей. Если рассматривать творчество поэта с данного ракурса, надо признать, что оно является отражением жизни народа в эпоху бурь и потрясений.

Поэмы Кязима Мечиева на известные восточные сюжеты имеют свои художественные особенности. Мы наблюдаем в них зарождение письменных традиций, выраженных в философских прениях героев, назиданиях, в обращениях к читателю, в апелляциях к их прежнему читательскому опыту:

Сюймеклик келсе бир кюн,

Къыйын аурурла саула.

Тахирни, Межнун кибик,

Мекаямы болсун таула [Там же, с. 261]. /

Если однажды придет любовь, здоровые станут больными. Пусть и для Тахира горы послужат крепостью, как и для Межнуна (подстрочный перевод).

В отличие от стиля карачаево-балкарского героического эпоса или лироэпоса (поэма «Каншаубий и Гошаях» и авторские поэмы предписменного периода) с его избирательным гиперболизмом, в творческой манере К. Мечиева гиперболизация универсальная и охватывает как душевные переживания героев, так и описание внешности. При этом метафоры значительно уступают эпитетам и сравнениям. Поэтический опыт Кязима подтверждает справедливость высказывания известного востоковеда И. Конрада: «...воссоздание

на своем языке литературного произведения, написанного на другом языке, всегда акт творчества. Появление перевода представляет в той или иной степени обогащение собственной литературы» [3, с. 325].

В свою очередь, восточные поэмы Кязима Мечиева были переведены на русский язык талантливыми литераторами. «Бужжигит» был переведен С. Липкиным в 1976 году, а «Тахир и Зухура» Г. Яропольским – в 2003. Надо отметить, что оба переводчика сумели сохранить очарование, глубину и масштаб оригинала. В своем небольшом эссе «На полях перевода» талантливый поэт и переводчик Георгий Яропольский о своей работе над переводами Кязима Мечиева писал: «Ни для кого не секрет, что в своё время из Кязима пытались сделать такого же “соцреалиста”, певца колхозного строя, как, скажем, из Сулеймена Стальского. Время, однако, всё расставляет по своим местам. Кязим – глубоко и тонко чувствующий человек, поэт, для которого нет чёткой грани между лирикой и эпосом. Лицо у него всегда одно, он никогда не пел по чьим-то указкам.

Очень трудно говорить голосом человека, которому довелось стать голосом целого народа... И если мои переводы хоть в какой-то мере соответствуют величавой простоте балкарского поэта, то это, главным образом, объясняется тем, что мне повезло с друзьями, равно как и тем, что за долгие (уже!) годы я сроднился с их чудесной землёй, дающей миру таких, как Кязим» [9].

Поэма Кязима Мечиева «Тахир и Зухура», написанная на сюжет известного на Востоке дастана, проникла в горскую этнокультуру и заняла в ней заметное место. Та гармоничность, с которой она вписалась в культуру балкарцев и карачаевцев и о которой говорят исследователи, была обусловлена талантом мастера, сумевшего найти верный тон в пересказе сюжета, в характеристике героев, приближенных к героям эпических песен, в создании достоверной среды, где происходят драматические события [7; 8]. Классик балкарской литературы, создавая поэму «Тахир и Зухура», уже имел опыт творческого освоения восточной классики: им была написана поэма «Бужжигит», в которой он впервые присоединился к поэтической традиции Востока. Если «Бужжигит» – переложение библейских и коранических сюжетов об Иосифе Прекрасном и его братьях, то «Тахир и Зухура» – классическая «восточная поэма» со всеми внешними атрибутами и внутренним содержанием. Переложение ее на другой язык требовало от мастера сохранения идейных концептов и узнаваемых черт восточной поэзии, с чем классик карачаево-балкарской поэзии успешно справился.

Список источников

1. **Абдулатипов А.-К. Ю., Шабаетова Л. А.** История кумыкской литературы. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 2016. 312 с.
2. **Акаев А.** Пайхамарны ёлу бла (Тропой пророка) / сост. Г. Оразаев. Махачкала: Дагестанское книжное издательство Комитета Правительства по печати РД, 1992. 376 с.
3. **Конрад Н. И.** Избранные труды: литература и театр. М.: Наука, 1978. 462 с.
4. **Кязим.** Стихи. Поэмы / сост. М. и К. Котляровы. Нальчик: Полиграфсервис, 2003. 397 с.
5. **Литературная версификация** [Электронный ресурс]. URL: <https://www.stihi.ru/2016/06/12/6122> (дата обращения: 18.11.2019).
6. **Мечиланы К.** Сайламаларыны экитомлугъу (Стихотворения и поэмы): в 2-х т. / сост., автор предисл. и коммент. А. М. Теппеев. Нальчик: Эльбрус, 1989. Т. 1. 414 с.
7. **Теппеев А. М., Габаева А. М.** Кязим Мечиев // Очерки истории балкарской литературы / отв. ред. С. У. Алиева. Нальчик: Эльбрус, 2010. С. 106-133.
8. **Толгуров З. Х.** Движение балкарской поэзии. Проблемы развития балкарской поэзии (20-50-е годы). Нальчик: Эльбрус, 1984. 250 с.
9. **Яропольский Г.** На полях перевода [Электронный ресурс]. URL: https://4511.net/georgiy_yaropolskiy/#creation (дата обращения: 26.01.2019).

Kyazim Mechiev's Poetic Versification of Abusufyan Akaev's Poem “Дагъир-Зугъра”

Bittirova Tamara Shamsudinovna, Doctor in Philology, Senior Researcher
*Institute for the Humanities Research – Branch of the Kabardino-Balkarian Scientific Centre
of the Russian Academy of Sciences, Nalchik*
tbittir@mail.ru

The article analyses in the comparative aspect “eastern poems” – “Дагъир-Зугъра” by A. Akaev and “Takhir and Zukhra” by Kyazim Mechiev. The researcher considers specificity of the eastern tradition development in “Takhir and Zukhra” and reveals originality of the poem in comparison with poetical works of the Kumyk author. The paper provides analysis of artistic expressive means used by K. Mechiev to describe realia of eastern life, to characterize the personages. The researcher's attention is focused on the region's cultural ties determined by the epoch and personal contacts.

Key words and phrases: Karachay-Balkar literature; Kyazim Mechiev; eastern stories; dastan; “Takhir and Zukhra”; Kumyk poetry; A. Akaev; poetic versification; traditions and innovation.